ПО ВОПРОСУ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

(*Письмо къ редактору*).

Къ статьѣ моей: *Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину,* напечатанной въ августовской книжкѣ «Основы», редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе»: Помѣщаемъ ее, (т. е. статью) не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ быть и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—Великороссы, а съ другой—Поляки, въ древней южно-русской письменности усматриваютъ начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ тоже время, признаковъ языка мѣстнаго».

Это примѣчаніе, какъ ни кажется оно, *на первый взглядъ*, вѣрнымъ, прямо опредѣляющимъ результаты и моихъ собственныхъ наблюденій, приведенныхъ даже и въ настоящемъ «отвѣтѣ», и замѣтки г. Погодина, въ его спорахъ съ г. Максимовичемъ, поразило, однакоже, меня до такой степени *неточностью выраженій и смѣшеніемъ предметовъ* (*), что я призналъ необходимымъ объясниться и, если возможно, устранить поводъ къ недоразумѣніямъ и неправильному взгляду тѣхъ читателей «Основы», которые питаютъ какое-нибудь сочувствіе къ рѣшаемому вопросу. Подобное объясненіе показалось мнѣ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ желательнѣе надежда редакціи на возраженіе, а можетъ быть и на разрѣшеніе не только весьма любопытнаго, но и весьма важнаго въ наукѣ, вопроса. Послѣдній относится прямо къ филологіи, а эта наука успѣла уже получить ту опредѣленность и твч-

(*) Какихъ—предметовъ? *Ред.*

ность, (конечно, въ глазахъ людей слѣдившихъ и слѣдящихъ за ея развитіемъ), какія во многомъ приближаютъ ее къ послѣдовательности выводовъ математическихъ. Въ математикѣ же часто приходится начинать съизнова всю работу, какъ скоро въ предшествующихъ выкладкахъ вкралась хотя ничтожная, въ одной цифрѣ или въ одномъ знакѣ, ошибка.

Какъ ни коротко примѣчаніе редакціи, но въ немъ ярко отдѣляются двѣ мысли, одна съ другою, какъ увидимъ, не имѣющія ни малѣйшей связи: 1) Великоруссы въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственнаго языка, отрицая признаки языка мѣстнаго; 2) Поляки въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственнаго языка, отрицая также признаки языка мѣстнаго.

Что́ касается до первой мысли, то я бы желалъ знать, кого имѣете вы въ виду, говоря вообще о *Великоруссахъ*? Позвольте мнѣ, въ этомъ случаѣ, перемѣнить ваше *о* на *у*, потому что народъ знаетъ только *Русь*, *Руссъ*, прилагательное *русскій*; неправильность или чужеземность терминовъ *Россъ*, *Великороссъ*, встрѣчающихся въ письменномъ языкѣ торжественнаго слога одъ и иныхъ воззваній прошлаго вѣка ([1]), всего нагляднѣе обнаруживается изъ отсутствія отъ нихъ прилагательныхъ *россій* или *великороссій*. Полякъ можетъ хвататься за случайно и въ позднюю уже пору явившееся названіе *Россія*, чтобы, слѣдуя неумѣстнымъ и нелѣпымъ своимъ посягательствамъ, искусственно сколоченнымъ терминомъ *Россіянинъ* указать на совершенное отличіе народа сѣвернаго отъ южнаго, но намъ, *русскимъ*, неприлично съ такимъ же презрѣніемъ попирать ногами голосъ цѣлыхъ десятковъ мильоновъ народа ([2]) и положительныя свидѣтельства исторіи. Народъ русскій сѣверный, какъ я уже замѣтилъ, не знаетъ ни Росса, тѣмъ менѣе—Великоросса, а исторія, на самыхъ первыхъ страницахъ своихъ, отмѣтила для сѣвера названіе *Русь*, *Русская земля*, въ ту пору, когда югъ не успѣлъ еще и войти въ составъ одного государственнаго (?) цѣлаго: «и изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ

([1]) Слово-Россія—употреблялось уже гораздо раньше. ([2]) Совершенно справедливо; но, вѣдь, народъ же говоритъ—*Ра(о)сѣя*; это слово встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, — даже украинскихъ: одна изъ послѣднихъ начинается такъ: »Була Польща, була Польща, а стала Росія« *Ред.*

сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій, Изборстѣ, Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася *руская земля*, Новугородьци (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 8—9).

Кто же эти—Великоруссы? Невольно придется отвѣчать на этотъ вопросъ русской поговоркой: *первой, другой да и обчелся*; въ самомъ дѣлѣ, первой—*Погодинъ*, другой—*Лавровскій*, а больше нѣтъ. Но нѣтъ изъ Великоруссовъ, а есть и еще одинъ, самый важный, говорившій о томъ же дѣлѣ съ полнымъ знаніемъ его, отчетливостью и основательностью, говорившій, какъ истинный ученый, фактами, а не пустыми словами, подобно нѣкоторымъ фантастамъ-беллетристамъ, привыкшимъ, въ умственномъ своемъ усыпленіи, рѣшать всѣ вопросы силою, развитаго у нихъ бездѣятельностью, одного воображенія и даже отъ надутости самомнѣнія бросающимся съ яростью на эти факты науки, свидѣтельствующіе такъ ясно объ ихъ грубѣйшемъ невѣжествѣ, а тотъ еще одинъ — *И. И. Срезневскій*. Къ какимъ его относите вы? Хотя и родился онъ въ великорусскомъ городѣ, Ярославлѣ, но еще груднымъ ребенкомъ былъ привезенъ въ южную Русь, гдѣ воспитался, развился, образовался и всецѣло сроднился съ новою мѣстностью, ставшею для него вполнѣ родиною ([1]). Такимъ-образомъ, на двоихъ великоруссовъ приходится одинъ малоруссъ, въ рѣшеніи даннаго вопроса, о языкѣ южнорусскомъ, стоющій обоихъ первыхъ. А вы говорите *вообще* о великоруссахъ и даже сравниваете съ поляками. Не говоря, пока, ничего о характерѣ отзывовъ послѣднихъ, я останавливаюсь на *количественной* невѣрности сравненія. Вѣдь въ Познани, и Берлинѣ, и Парижѣ, и Краковѣ и Львовѣ, даже въ самомъ Царствѣ, трубятъ поляки десятки лѣтъ и цѣлыми легіонами объ отсутствіи малорусскаго нарѣчія,—тутъ можно обобщать, но какъ возможно обобщеніе

([1]) Мы должны замѣтить, что такой взглядъ на г. Срезневскаго и его сродство съ южною Русью, которая будто бы стала для него *вполнѣ родиною*, принадлежитъ собственно автору, но никакъ не нашему вѣстнику. Изъ чего видитъ г. Лавровскій, что въ г. Срезневскомъ мы пріобрѣли новаго соотечественника? Не изъ того ли, что, живя въ Харьковѣ, онъ находилъ для себя полезнымъ издавать сочиненія Котляревскаго и украинскія народныя пѣсни съ замѣтками въ духѣ тогдашняго, вовсе не критическаго, направленія, а перейдя на каѳедру въ С.-петербургскій университетъ и Академію Наукъ, тотчасъ убѣдился, что гораздо полезнѣе отвергать возможность своеобразнаго развитія украинской литературы и народности?.. Нѣтъ, мы не посягаемъ на права города Ярославля. *Ред.*

великоруссовъ, на основаніи двоихъ лицъ, положенія которыхъ притомъ послѣдовали за учеными выводами малоросса [1]? Не будетъ ли въ этомъ много излишней чести великоруссамъ? Я думаю такъ, и вотъ почему.

Отзывы двоихъ великоруссовъ основаны исключительно на научныхъ данныхъ, выведены изъ наблюденій надъ языкомъ древнихъ памятниковъ письменности русской; другими словами, явились они результатомъ ихъ филологическихъ, правильнѣе—лингвистическихъ, занятій довольно частнымъ вопросомъ—отличіями нарѣчій сѣвернаго русскаго и южнаго русскаго, отличіями въ звукахъ и этимологическихъ формахъ языка. Эта только исключительно лингвистическая сторона и послужила поводомъ отзывовъ ихъ; ничего посторонняго тутъ не примѣшивалось. Но, помилуйте, вѣдь такое занятіе въ современной великорусской литературѣ, сосредоточенной въ журналахъ, выставлено чуть не позорнымъ, заклеймено бездарностью, совершенною безполезностью; въ требованіяхъ ею рѣшеній *жизненныхъ вопросовъ*, вы встрѣчаете на каждомъ шагу непростительнѣйшее презрѣніе къ вопросамъ, составляющимъ основаніе, почву правильнаго рѣшенія и первыхъ; крикливымъ вожатаямъ этой литературы нѣсколько лѣтъ уже стали ненадобны вовсе трудъ, а съ нимъ и положительныя свѣдѣнія, которыя одни могутъ быть порукою вѣрности и основательности заключеній и по жизненнымъ вопросамъ; имъ необходимы только слова, гладко составленныя, перемѣшанныя съ извѣстнымъ количествомъ чужеязычныхъ терминовъ для ходячихъ современныхъ понятій, которымъ часто не въ состояніи дать правильнаго и опредѣленія пишущій, схватывающій ихъ, какъ пѣвучая птица, съ голосу другихъ. И въ вопросѣ объ отношеніи великорусскаго нарѣчія къ малорусскому, современная великорусская литература, въ лицѣ считающихъ себя представителями современныхъ прогрессивныхъ мнѣній въ Россіи, скорѣе бы допустила голословное и отвлеченное сужденіе, чѣмъ бы дозволила явиться на страницахъ своихъ подробному перечисленію фактовъ

[1] Московская газета *День* удостовѣритъ почтеннаго автора, что имя гг., рѣшающихъ сплеча подобные вопросы—легіонъ. Они употребляютъ всѣ мнимо-научные пріемы для убѣжденія своихъ читателей — «въ нелѣпости украинской литературы»,—тогда какъ для этого было бы достаточно и одного книжно-національнаго самодовольства и непониманія. *Ред.*

того или другаго нарѣчія; другими словами, журнальная литература великорусская охотно дала бы у себя мѣсто самому нелѣпому мнѣнію, лишь бы оно затрогивало *живые вопросы*, т. е., въ вылощенныхъ фразахъ, высказывало бы досужую игру воображенія, безъ малѣйшей даже и претензіи на отношеніе этого мнѣнія къ истинѣ (1). По относительно малорусскаго нарѣчія, великорусская литература не сдѣлала и того (2), а обобщеніе ваше двухъ слабыхъ примѣровъ, къ тому же—съ скучными филологическими данными, по моему мнѣнію, придаетъ много чести великоруссамъ.

Съ другой стороны, при такомъ характерѣ рѣшенія вопроса о малорусскомъ нарѣчіи, представленнаго двоими великоруссами, ваше обобщеніе оскорбляетъ и малоруссовъ. Ежели у великоруссовъ нашлось хотя два человѣка, которые обратили вниманіе, при чтеніи древней русской письмености, на ваше прекрасное нарѣчіе и представили свое мнѣніе о томъ, основанное не на голыхъ словахъ, а на фактическихъ данныхъ, то почему-же молчать сами малоруссы (3) и спокойно смотрятъ, какъ одинъ народъ за другимъ, великоруссы и поляки, вторгаются разомъ въ область ихъ языка? Согласитесь, вѣдь, это не къ чести малоруссовъ, ежели они понимаютъ невѣрность выводовъ вели-

---

(1) Еще разъ должны мы заявить свое разномысліе съ г. Лавровскимъ. Если между дѣятелями современной журнальной литературы не оказалось, положимъ, людей довольно сильныхъ въ его специальности, для того, чтобы признать жизненную полезность лингвистическихъ трудовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта литература была до такой степени безнравственна въ своихъ отношеніяхъ къ *живымъ вопросамъ*, какъ это представлено г. Лавровскимъ. Это выходитъ тоже, что въ пословицѣ: *разсердясь — да и шубу въ печь*. *Ред*.

(2) Такъ-какъ мы, въ объявленіи объ «Основѣ» на 1862 годъ, выразили нашу благодарность «образованнѣйшимъ великоруссамъ за трогательное для насъ *доброжелательство*», съ которымъ они смотрятъ на оживленіе украинской словесности, то печатая въ своемъ журналѣ упреки г. Лавровскаго, мы обязаны сказать, что слова наши преимущественно относились къ дѣятелямъ современной журнальной литературы, великорусской, которые и въ настоящее время почти единодушно вооружились противъ москвофильской исключительности, проповѣдуемой газетою *День*. *Ред*

(3) Они не молчали. Лишь только г. Погодинъ заселилъ великоруссами землю Кіевскую, г. Максимовичъ вступилъ съ нимъ въ *игру*, а мы слушали только, что изъ этой *игры* выйдетъ, вмѣсто того чтобы множествомъ голосовъ заглушать препирающихся. Что будетъ далѣе — увидите, но погодите оскорбляться (вашими замѣтками) за украинцевъ: у нихъ найдутся собственные голоса для выраженія своего оскорбленія. *Ред*.

корусскихъ; о полякахъ пока умолчимъ. Но въ томъ-то и дѣло, что подобное заключеніе, вытекающее изъ вашихъ словъ, невѣрно, и именно потому, что вы о народности-то излагавшихъ научное мнѣніе о малорусскомъ нарѣчіи судили по результатамъ этого мнѣнія; вотъ почему и попался г. Срезневскій въ число великоруссовъ, если только вы не оставили его, въ ту минуту, какъ дѣлали примѣчаніе, ни при чемъ, какъ будто онъ ничего и не говорилъ по этому вопросу. А между тѣмъ, г. Срезневскій раньше великоруссовъ высказалъ это мнѣніе, даже зашелъ нѣсколько дальше, до чего не рѣшились доходить послѣдніе, именно, будто и развитіе-то отличительныхъ чертъ *нынѣшняго* малорусскаго нарѣчія обязано своимъ происхожденіемъ не раньше, какъ времени послѣ XIII столѣтія. Слѣдовательно, не только два великорусса, но, что относится къ непризнанной вами чести малоруссовъ, и одинъ малоруссъ, прежде всѣхъ, путемъ чисто научныхъ и самыхъ строгихъ ученыхъ наблюденій, заявилъ, что въ древней письменности русской не выразились характеристическія свойства нарѣчія малорусскаго. Такимъ-образомъ, съ этой точки зрѣнія, вы, смѣю думать, не можете видѣть въ высказанномъ мнѣніи исключительной принадлежности великорусской, еще болѣе какого-либо непозволительнаго стремленія великоруссовъ, о чемъ можно догадываться изъ сопоставленія вашего послѣднихъ съ поляками (*).

Да и что́ говорится въ этомъ мнѣніи? По словамъ вашего примѣчанія, великоруссы видятъ *въ древней южно-русской письменности начатки собственнаго языка*. Какого своего собственнаго языка. Конечно не народнаго? потому что народный языкъ на сѣверѣ и югѣ существуетъ искони и развивался самъ-собою, то въ большей общности, какъ въ древнее время, въ силу бо́льшаго общенія отъ единства государственнаго, то въ отдаленіи другъ отъ друга, вслѣдствіе насильственнаго расторженія и подчиненія чужеплеменному господству, прошедшему также безъ вліянія на языкъ оторванной части. Безъ-сомнѣнія, вы разумѣете *собственный* языкъ письменный. И неужели же вы что-нибудь серьезно можете сказать противъ этого? неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы думаете, что языкъ древней письменности русской, даже и южной, не былъ дѣйствительно начаткомъ нынѣшняго письменнаго или литературнаго языка русскаго? Сколько

(*) Вотъ въ вашихъ словахъ можно дѣйствительно видѣть смѣшеніе предметовъ. *Ред.*

ни извѣстно намъ памятниковъ древней письменности, и южной и сѣверной, языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же, за исключеніемъ развѣ мѣны взаимной *ч* и *ц* новгородцевъ. Да при единствѣ государственномъ, при единствѣ народа, иначе и быть не могло: раздѣленіе письменнаго языка, при такихъ условіяхъ и не мыслимо. Этотъ единый письменный языкъ настолько же былъ начаткомъ сѣвернаго литературнаго языка, насколько и южнаго, иначе онъ былъ начаткомъ литературнаго языка *русскаго*.

Въ XIII столѣтіи, югъ Руси разрушенъ Татарами; посредствомъ в. княжества литовскаго, въ XIV столѣтіи, онъ отошелъ къ Польшѣ: первое обстоятельство остановило на нѣкоторое время литературную дѣятельность, а послѣднее не могло не содѣйствовать новому обороту языка письменнаго на югѣ, и въ то время, какъ на сѣверѣ продолжалось самобытное развитіе древняго языка письменнаго, на югѣ, съ конца XIV, особенно въ XV и XVI вѣкахъ, мы уже находимъ отраженіе въ письменномъ языкѣ нѣкоторыхъ отличительныхъ свойствъ народнаго языка и примѣсь польскихъ особенностей. При возстановленіи, въ XVII вѣкѣ, снова единства между югомъ и сѣверомъ, обитатели перваго встрѣтили тотъ-же письменный языкъ на сѣверѣ, который, въ основаніи своемъ и въ развитіи до XIII вѣка, былъ и ихъ, въ такой же мѣрѣ, собственнымъ языкомъ; только въ теченіи четырехъ вѣковъ раздѣльности, онъ успѣлъ пойти дальше въ развитіи и кое-что выработалъ новаго. Да, древнюю письменность русскую, все равно, гдѣ бы ни была она, безъ всякой тѣни сомнѣнія, считаемъ мы положительнымъ начаткомъ *нашего языка*, признавая ее точно въ той же степени и начаткомъ *вашего*, потому, что онъ былъ одинъ для всѣхъ областей единаго государства, съ общими признаками выдѣлившагося уже изъ среды остальныхъ Славянъ *языка русскаго*, безъ особенностей, которыя бы указывали на мѣстное нарѣчіе южное. Замѣтьте, съ *обще-русскими признаками*, какъ говорилось мною и въ 1852, и въ 1858, и въ 1859, наконецъ, и въ 1861 г., въ августовской книжкѣ «Основы». Только взаимная мѣна *ц* и *ч* Новгородцевъ составляетъ исключеніе. И при настоящемъ случаѣ, я рѣшаюсь высказать вамъ прямо и рѣшательно, не какъ аксіому, добытую вообще наукою, что̀ и трудно при отсутствіи у насъ воздѣлывателей науки, а какъ личное мое убѣжденіе, вытекшее изъ долголѣтнихъ наблюденій, что это единство въ древней письменности языка и отсутствіе признаковъ въ ней мѣстнаго южнаго нарѣчія есть *фактъ*, котораго наличными

матеріалами никакимъ образомъ вы не опровергнете. Въ иныхъ обстоятельствахъ находится вопросъ, который можетъ возникнуть изъ этого факта и рѣшеніе котораго не только любопытно, но и въ высокой степени важно для науки, именно: заключается-ли причина отсутствія признаковъ малорусскаго нарѣчія въ древнѣйшей письменности южной въ томъ, что такіе признаки еще не успѣли развиться, по крайней мѣрѣ не успѣли еще охватить бо́льшей части народа, какъ, напр., и нынѣшній переходъ *о* въ *и*, или отсутствіе мѣстныхъ особенностей нарѣчія объясняется не первобытностью большинства массы южно-русскаго народа въ нынѣшнихъ предѣлахъ южной Руси, другими словами—видѣть ли причину въ мнѣніи г. Срезневскаго или въ мнѣніи г. Погодина. Такимъ образомъ, первая половина вашего примѣчанія разрѣшается слѣдующимъ образомъ: ученый знатокъ славянскихъ нарѣчій и въ частности малорусскаго нарѣчія, какъ ему родного, малоруссъ (*), а за нимъ *только два Великорусса*, въ древней письменности русской до XIII—XVI вѣковъ видятъ одинъ языкъ для всѣхъ областей государства и въ немъ *необходимо* справедливо усматриваютъ начатки *собственнаго* языка письменнаго, т. е. русскаго литературнаго, одинаковаго для сѣвера и для юга Россіи. Обратимся ко второй половинѣ вашего примѣчанія.

«Поляки въ древне-южно-русской письменности усматриваютъ начатки своего собственнаго языка и не признаютъ въ то же время признаковъ языка мѣстнаго». Прежде всего раждается вопросъ: къ какой древне-южно-руской письменности обратились Поляки? Къ той-ли, какую имѣли въ виду одинъ Малоруссъ и два Великорусса, при выводахъ своихъ о единствѣ языка письменнаго въ древнее время на Руси и объ отсутствіи въ немъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, или къ другой? Вопросъ этотъ слишкомъ нетрудный, чтобы затрудняться немедленнымъ же его рѣшеніемъ. Къ древней письменности Поляки не обращаются и въ своей литературѣ; языкъ и собственныхъ ихъ начальныхъ памятниковъ, XIV—XV вѣковъ, становится имъ извѣстнымъ изъ занятій и выводовъ иноплеменныхъ ученыхъ, тѣмъ, естественно, менѣе можно ожидать вниманія отъ нихъ и еще менѣе изученія ими древне-кирилловской нашей письменности. И литература польская, несмотря на все ея громадное богатство въ объемѣ, не

(*) Не Малоруссъ ни по происхожденію, ни по мѣсту рожденія, ни по образу литературной и общественной дѣятельности. *Ред.*

укажетъ ни на что въ пользу такого вниманія ([1]) и подобнаго изученія памятниковъ нашей письменности до XIII—XIV столѣтій. Одинъ почтенный Мацѣёвскій вздумалъ—было доказывать полонизмъ языка въ словѣ о полку Игоревомъ, приводя какъ будто факты для подтвержденія своего мнѣнія; но этотъ опытъ скорѣе похожъ на опредѣленіе красокъ слѣпымъ или звуковъ глухимъ, какъ имѣли мы случай нѣкогда доказать это печатно. Нѣтъ. Поляки взглянули на письменность южно-русскую совершенно иную, на ту письменность, о которой сказалъ я выше, по поводу насильственнаго отторженія юга Руси отъ сѣвера и подчиненія перваго господству польскому, письменность, по которой, на ряду съ выразившимися признаками малорусскаго говора, попадаются и свойства польскаго языка. Различіе, какъ видите, громадное. Поляки приняли въ соображеніе такую письменность, въ которой и Малоруссъ и два Великорусса отличили уже несомнѣнные слѣды нарѣчія южно-русскаго, письменность такого времени, когда всѣ они трое сочли-бы безуміемъ не признавать фактически выявившимися нарѣчіе малорусское, какъ самостоятельное нарѣчіе въ ряду остальныхъ славянскихъ, и притомъ отстоящее отъ польскаго, за исключеніемъ вдавленныхъ временнымъ и случайнымъ польскимъ господствомъ словъ, системою звуковою и развитіемъ этимологическихъ формъ такъ-же далеко, какъ каждое юго-восточное нарѣчіе отъ нарѣчій сѣверо-западныхъ. Слѣдовательно, сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками, въ вашемъ примѣчаніи, отзывается полнѣйшею несостоятельностью и неосновательностью. ([2])

Но этого мало. Сопоставленіе ваше, убѣжденъ, безъ всякаго съ вашей стороны умысла, заключаетъ въ себѣ tacite и несправедливое оскорбленіе. Разсмотримъ обстоятельстве.

Поляки обратились къ дикому заключенію о языкѣ письменности южно-русской, XVI—XVII столѣтій, не непосредственно, а ужъ какъ къ доказательству ихъ еще болѣе нелѣпыхъ сужденій о *нынѣшнемъ* малорусскомъ нарѣчіи. Вамъ, конечно, извѣстны давнишнія тенденціи Поляковъ выставить малорусское нарѣчіе въ смыслѣ провинціализма языка польскаго, на подобіе говора мазурскаго и другихъ поль-

---

([1]) А въ *исторіи Польской литературы*, Вишневскаго, въ *Несторѣ*, Бартошевича? *Ред.*

([2]) Не ошибаетесь ли вы сами,—такъ-какъ вамъ извѣстно мнѣніе одного только Мацѣёвскаго? *Ред.*

ско-народныхъ говоровъ (1); извѣстна и цѣль столь невѣжественнаго взгляда Поляковъ, противорѣчіе здравому смыслу котораго можно объяснить единственно лишь разгоряченною фантазіею политиковъ польскихъ, перешедшею, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, за предѣлы самой простой и очевиднѣйшей истины. Объ этомъ имѣлъ уже случай говорить я гораздо прежде выхода августовской книжки Основы и гораздо подробнѣе, нежели въ примѣчаніи редакціи Основы къ статьѣ моей. Скажите теперь, нашелся-ли хотя одинъ Великоруссъ, который-бы, подобно Полякамъ, возставалъ противъ самобытности нынѣшняго малорусскаго нарѣчія (2)? Напротивъ, не каждый ли изъ *Русскихъ*, занимавшихся вопросомъ о древне-русскомъ языкѣ, ставилъ во главу угла самостоятельность южно-русскаго нарѣчія въ нынѣшнее время, и уже черезъ эту самостоятельность дѣлалъ поиски въ древности? Примѣчаніе ваше появилось по поводу моей статьи, слѣдовательно черезъ меня произошло и обобщеніе Великорусовъ и сопоставленіе ихъ съ Поляками, а потому я и вынужденъ остановиться на себѣ.

Сколько разъ ни случалось мнѣ говорить печатно о малорусскомъ нарѣчіи, въ статьяхъ-ли другаго содержанія, въ которое малорусское нарѣчіе входило стороною, случайно, или въ статьяхъ, касающихся спеціально этого нарѣчія, вездѣ, при всякомъ случаѣ, разсматривалъ я его, какъ особое нарѣчіе,—какъ объ особомъ самостоятельномъ нарѣчіи и отзывался. Не утомляя вашего вниманія приведеніемъ доказательствъ изъ старыхъ годовъ, за семь, за восемь лѣтъ и больше, я упомяну о самомъ недавнемъ времени. Вамъ, какъ истинному любителю всего малорусскаго, а слѣдовательно не неинтересующемуся всѣмъ, что относится въ литературѣ до южной Руси, конечно, извѣстна статейка 1861 года въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ «южно-русскій элементъ въ Австріи». Ежели она прошла вами не замѣченною въ свое время, то прошу взглянуть на нее теперь, и вы увидите, что какъ прежде, такъ и въ этой статейкѣ, со всею положительностью высказано мною мнѣніе о самостоятельности вообще

(1) Ту же самую тенденцію нынѣ обнаруживаетъ—съ другой только стороны — московская газета *День*. *Ред.*

(2) Этотъ вопросъ поражаетъ насъ своею неожиданностію, особенно въ то время, когда новѣйшіе славянофилы производятъ въ представители Галицкой Руси такихъ людей, какъ г. Раковскій,—совершенно чуждый почтеннымъ дѣятелямъ галицко-украинской народности,—подобно тому, какъ г. Лавровскій произвелъ г. Срезневскаго въ Украинцы. *Ред.*

южно-русскаго нарѣчія; вы увидите, что и сама статейка, между прочимъ, вызвана именно нелѣпыми криками въ польскихъ газетахъ, журналахъ и брошюрахъ, отрицающими дѣйствительность такого значенія малорусскаго нарѣчія. Поднимитесь двумя годами по-выше, и пробѣгите въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1859, № 6) статью: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями». Тамъ, самыя первыя строки укажутъ вамъ, какъ смотрѣлъ я и въ 1859 году на ваше родное нарѣчіе. Чтобы не утруждать васъ поисками, я выпишу первыя четыре строчки, въ которыхъ явственно обозначился взглядъ мой, вотъ онѣ: «При современномъ вниманіи къ ученой разработкѣ языка славянскаго, по всѣмъ его нарѣчіямъ, нельзя не остановиться и на малорусскомъ нарѣчіи, развившемъ въ себѣ *столь-же своебытныя черты, какъ и остальныя нарѣчія славянскія*». А вотъ и заключеніе, на страницѣ 39: «Пробѣгая мысленно всѣ приведеныя выше черты малорусскаго нарѣчія, легко замѣчаемъ, что между ними есть много такихъ, которые *неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое-же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія*».

Но независимо отъ всего этого, чѣмъ могла дать вамъ поводъ дѣлать посредствомъ меня сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками и отвѣтная статья моя, напечатанная въ Основѣ? Въ ней точно также, на почвѣ нынѣшняго малорусскаго нарѣчія совершенъ и весь процесъ опроверженія г. Максимовича, и подборъ и объясненіе моихъ доказательствъ.

И не смотря на все это, въ примѣчаніи редакціи Основы, по поводу отвѣтной статьи, обвиняюсь не только я, но и Великоруссы вообще въ отрицаніи самобытности нарѣчія малорусскаго, я, который имѣлъ случай едва-ли не больше и не положительнѣе другихъ утверждать, и притомъ не голословно, а разборомъ данныхъ языка, его самобытность, и какъ обвиняюсь?—сравненіемъ съ тѣми Поляками, противъ намѣреной и безобразной слѣпоты которыхъ, въ этомъ случаѣ, возставалъ-же самъ я, такъ еще недавно. Какъ понять, какъ объяснить это? Мнѣ думается, что у васъ прежде уже, быть можетъ, издавна вертѣлась въ головѣ какая-нибудь сродная съ этимъ мысль, быть можетъ и истинная, и благородная, и благоразумная; вы искали случая обнародовать ее, моя статья почему-то показалась вамъ

пригодною для этого обнародованія и вы, не обративши вниманія, что въ ней идетъ дѣло объ отдаленной старинѣ и ограничено единственно поисками характеристическихъ чертъ нарѣчія въ древней письменности русской, впустили эту мысль; а забывши, что сродство не есть тождество, что $a \times b \times c$ не есть $a \times b \times d$, ввернули и сравненіе съ Поляками.

Не считаю нужнымъ объяснять руководящую вами мысль, при этомъ сравненіи, но считаю для себя правомъ высказать свой взглядъ на это сравненіе. Оно въ моихъ глазахъ, такъ близко присмотрѣвшихся къ дикимъ бреднямъ большей части газетчиковъ и журналистовъ польскихъ о южно-русскомъ языкѣ, является синонимомъ укора въ абсолютномъ невѣжествѣ, въ привычкѣ говорить не знаніемъ и изученіемъ, а фантазіею, необузданною въ полетѣ своемъ за идеями, не имѣющими вовсе прямаго отношенія къ поставленному предмету разговора — о языкѣ или нарѣчіи, синонимомъ укора въ проведеніи въ общество понятій не истины, все созидающей, а лжи и обмана, все разрушающихъ. Можно-ли обвинять въ этомъ вообще Великоруссовъ, по отношенію къ взгляду на самостоятельность нарѣчія малорусскаго и въ частности обвинять меня, предоставляю рѣшить вамъ самимъ, хотя однимъ словомъ «да» или «нѣтъ», и хотя въ примѣчаніи подъ этимъ письмомъ, (*) которое прошу васъ напечатать, если вы дорожите истинными понятіями читателей вашей Основы, въ чемъ я не позволяю себѣ сомнѣваться.

Петръ Лавровскій.

Харьковъ, 4 ноября, 1861 года.

(*) Мы уже выше замѣтили, что авторъ самъ смѣшалъ предметы. *Ред.*